

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

В. Бараков

«И НЕ ОНА ОТ НАС ЗАВИСИТ...»

Заметки и размышления о поэзии Николая Рубцова

Пособие к спецкурсу

К 1249683

МОСКВА—ВОЛОГДА
1995

ОТ АВТОРА

1996 год отмечен двумя юбилейными датами: 60-летием со дня рождения и 25-летием со дня смерти Николая Михайловича Рубцова. После выхода в свет книги «Лирика Николая Рубцова» (1993) у меня скопилось много заявок на нее, но тираж был уже раскуплен. Кроме того, с течением времени я продолжал публиковать в различных журналах и сборниках новые статьи и материалы о жизни и творчестве поэта, была переработана и третья глава предыдущей книги о Рубцове. Возникла необходимость дополнительного издания, предназначенного не только филологам, но и всем тем читателям, которые знают и любят русскую поэзию.

Обращаю ваше внимание на обложку этой книги. Рисунок на ней на первый взгляд хорошо известен тем, кто держал в руках поэтический сборник Н. Рубцова «Душа хранит» (1969). Однако перед вами — первоначальный его вариант, отвергнутый редакцией издательства. Художник В. Иванов, недавно трагически ушедший из жизни, был тогда поставлен перед фактом: силуэт церкви ему «посоветовали» убрать. В то время подобный «совет» был равнозначен приказу...

Рисунок воспроизводится с разрешения писателя В. Белкова, долгие годы бережно хранившего его в своем архиве.

«ЕСЛИ ТОЛЬКО БУДУ ЗНАМЕНИТ...»

Поэзия Рубцова в научном изучении

Лирика Н. Рубцова привлекла к себе внимание критиков еще при жизни автора. С тех пор было опубликовано около тысячи газетных и журнальных статей и рецензий, посвященных его творчеству. Первая попытка научного анализа поэтического наследия Н. Рубцова была предпринята в статье В. Кожина «Николай Рубцов» (1974). Затем появились интересные статьи В. Дементьева, А. Ланщикова, А. Павловского, А. Пикача, Ю. Селезнева и других известных ученых.

В 80-х годах были защищены кандидатские диссертации А. Науменко (1984), Т. Подкорытовой (1987), в которых творчество Н. Рубцова исследовалось в контексте литературного процесса 60—70-х годов; И. Ефремовой (1988), поднимавшей вопросы жанра и стиля в его лирике, а также диссертационное исследование М. Кудрявцева (1988) об образно-речевой системе поэзии Н. Рубцова (по специальности «русский язык»). В 90-е годы продолжалось научное изучение его творчества, рубцоведение стало самостоятельной отраслью литературоведения. Обратили, например, на себя внимание статьи Е. Ивановой о новаторстве Рубцова, о его оригинальной поэтической речи и удивительной звукописной манере; статья Т. Очировой об авторском сознании в его лирике. Готовится к выпуску книга о Рубцове в серии «Жизнь замечательных людей», библиографическое издание о нем.

В прошедшем десятилетии началось открытие его поэзии за рубежом, прежде всего в Польше, Чехии, Словакии, Румынии, Венгрии. Показательно в этом отношении название очерка польских авторов П. Фаста и М. Кизила: «Николай Рубцов. Неизвестный поэт» (1988). Одна из наиболее полных работ, вышедших на английском языке, — статья Р. Фресборна «Николай Рубцов. Жизнь и лирика» (1987). В 1991 году опубликовала статью «Николай Рубцов и «тихая лирика» немецкая исследовательница З. Вабер.

Говорить сейчас о русской поэзии нашего века и не упоминать имени Рубцова просто невозможно. Зарубежные ученые прекрасно это понимают, интерес к его лирике растет почти на всех континентах. Так, появились рецензии в Японии и Китае, после того, как там были сделаны переводы; в других странах Азии, а также Латинской Америки.

Очень трудно перечислить все написанное о Николае Рубцове. Ежегодно в России и за ее пределами выходят десятки статей и исследований, посвященных его творчеству, не смолкает научная полемика. Довольно долго спорят, например, о методе, о философичности и публицистичности его поэзии, о характере лирического героя... С методом, к счастью, разобрались. И те ученые, которые рассуждали о реализме в поэзии Рубцова, и те, которые твердили о романтической основе его лирики, в конце концов заговорили о синтезе этих двух традиций.

С понятием «философская поэзия» пришлось помучиться дольше. С одной стороны, Рубцов вроде бы не оставил сам никаких сомнений на этот счет: «Я чуток как поэт, Бессилен как философ». Был категоричен и Р. Винонен: «Всякий знающий стихи Рубцова должен признать, что в области мысли поэт силен не был».

С другой стороны, у Н. Рубцова есть стихотворения с действительным или скрытым подзаголовком «Философские стихи», например, «Душа» или «Философские этюды».

Критик А. Павловский заметил по этому поводу, что «поэзия Рубцова вообще носит достаточно явственный философский характер...».

Потребовалось время, чтобы понять очевидное: Рубцов, конечно же, не похож на поэта-философа, извлекающего истины (и не только истины) «из головы» и бросающего их «в лоб» читателю. Рубцовский стих не живет одной только мыслью, она сама обитает в его стихе, присутствует в его образном строе, извлекается из подтекста. О философском характере лирики Рубцова в последние годы написаны достаточно аргументированные, убедительные исследования И. Ефремовой, З. Старковой и других ученых. Они ставят поэта в один ряд с В. Жуковским, Ф. Тютчевым, А. Фетом, Я. Полонским... Здесь необходимо одно существенное уточнение: русская философия никогда не была философией в конкретном, научном значении этого слова. М. М. Бахтин, например, презрительно говорил о нашем «полунаучном мышлении, по недоразумению называющем себя философским». В ее основе — не «чистая» логика и изворотливая диалектика, а глубокое, трагическое по своей сути религиозно-нравственное мироощущение, мировосприятие и, несмотря на редкие исключения (они только подтверждают правило), — мировоззрение. Поэтому русская философия гораздо ближе к публицистике, к художественной литературе, чем западноевропейская. Кроме того, она, как и литература, всегда была крепко связана с идеологией и политикой, иногда даже слишком крепко, до удушения. В эти исторические периоды и ищут люди в философии, в литературе, а зна-

чит, и в лирике скрытый смысл, своеобразные откровения, «запретные» мысли...

Лирика Н. Рубцова почти вся создана в «застойное» время, а значит, она не чужда той философской «публицистике», которую читали тогда «между строк». Но в рубцовском стиле, конечно же, присутствует не только это, в нем есть та публицистичность, которую еще В. Белинский считал исконно русской традицией, специфической чертой нашей культуры, с незапамятных времен ставившей общественное служение выше личного, индивидуального. Более того, индивидуальное проявляло себя и проявляет до сих пор прежде всего в деле общественном. Индивидуализм (в смысле эгоизма) глубоко чужд русской культуре. Но все это не означает уничтожения индивидуальности, полного растворения субъективного, личного в социуме. Поэты прекрасно знают об истинной, духовной свободе человека. Не случайно В. Акаткин, много писавший в 60-е — 70-е годы о «тихой» лирике, отмечал, что у них «более сложное, субъективное видение мира, чем у «громких», «эстрадных» авторов. Правда, «тихий» ругали за крайне узкий выбор тем, за «простоту» и обыденность предметного мира. Конечно, ведь они воспевали серенькую русскую природу, а не антимирь... Но вспомним слова Н. Гоголя: «Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное...».

О тематике же своих стихотворений Н. Рубцов сказал следующее:

*О чем писать?
На то не наша воля!
Тобой одним
Не будет мир воспет!
Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Другой возьмет поэт!
Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоешь,
Любая тема —
Поля или моря,
И тема гор —
Все это будет ложь!*

Общая, объединяющая тема рубцовской «философской» лирики совсем не оригинальна. Эта тема — смысл человеческой жизни. Поиск этого смысла, духовное странствие по Руси нынешней и минувшей — подлинное содержание поэзии Рубцова. В недавних своих воспоминаниях А. Романов сказал об этом так: «Сама природа русского духа дав-

но нуждалась в появлении именно такого поэта, чтобы связать полувек-ковой трагический разрыв отечественной поэзии вновь с христианским мироощущением. И жребий этот пал на Николая Рубцова. И зажегся в нем свет величавого распева и молитвенной исповеди».

«Я БУДУ СКАКАТЬ ПО ХОЛМАМ ЗАДРЕМАВШЕЙ ОТЧИЗНЫ...»

Элегия или песня?

История научного изучения жанровых особенностей этого стихотворения скудна. В свое время к данной проблеме обращались лишь К. Шилова и И. Ефремова. В обоих случаях речь шла либо о слиянии «элегических, балладных и одических жанрово-стилевых начал», либо даже о ломке элегического жанра, «привнесения в него драматизма баллады, одической патетики и эпического размаха, не свойственного лирическим произведениям». Большинство исследователей творчества поэта говорят о песенно-элегическом начале как основном в его лирике. Поэтому необходимо выявить песенные жанрообразующие признаки в этом шедевре русской поэзии.

Стихотворение написано в 1963 году, впервые напечатано в 8-м номере журнала «Октябрь» за 1964 год, позднее вошло в знаменитый рубцовский сборник «Звезда полей» (1967). Ко времени его написания в творчестве поэта закончился период становления (1957 — 1962), сложилась своя поэтическая система, свой взгляд на мир. Цельность характеру лирического героя придавали воспринятые Н. Рубцовым народные этико-эстетические идеалы. Цензура принуждала поэта прибегать к иносказанию, в частности, к символизации, свойственной и элегии, и песне. Анализ же образно-символической структуры стихотворения даст возможность проследить развитие авторской художественной мысли. Следует, однако, помнить, что она не может быть объяснена без соотнесенности со всей рубцовской образно-символической системой.

Уже в первой строфе непрсклонное: «Я буду скакать...», оформленное затем в строфическое кольцо, настраивает на полемический лад. Н. Рубцов ведет спор со своим временем, с эпохой, погрузившей родину в духовное забытие (олицетворяющий и одновременно оценочный глагольный эпитет «задремавшей» подчеркивает временность, неустойчи-

вость этого состояния). Действие в стихотворении происходит ночью, а ночь — традиционный символ смерти, как и сон, отождествляемый с нею и в древнейшие времена, и в фольклоре, и в классической русской литературе. В древности, например, считалось, что душа погруженного в сон человека вылетала из тела и посещала те места, видела тех людей и совершала те действия, которые видел спящий. В классической традиции ночь — вообще время поэтов, время, когда к ним приходит вдохновение, и душа в тишине обретает покой, умиротворение, мудрость.

Сквозной символ — скачущий всадник — несет не только традиционное значение освобождения, это еще и лирический герой, и его душа, летящая в одно и то же время и «по холмам задремавшей отчизны», и «по следам миновавших времен». Рубцовский всадник (конь, кстати, в народной песенной лирике — символ счастья, свободы, удачи), «сын удивительных вольных племен» (на Севере не было крепостного права, крестьяне были вольными), преодолевает горы и холмы, символизирующие собой жизненные препятствия — неволю и горе, и знает, что этот путь — его судьба. Ведь в русской народной лирической песне дорога — символ жизненного пути, судьбы, а судьба и смерть — тождественны. И хотя герой «неведом», одинок, ничто и никто не остановит его, и он снова и снова повторяет: «Я буду скакать...».

Вторая строфа представляет собой воскрешенную в памяти картину былой крестьянской жизни. Н. Рубцов рисует ее с мягким, добрым юмором: председатель «требовал выпить»; жницу, «как знамя, в руках пронесил!» Но это счастливое воспоминание — лишь краткий миг. В следующей строфе появляется непривычное, нетрадиционное для элегии сравнение: «И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме...». Может показаться, что поэт здесь совершил ошибку (в основе сравнения — разнородные слова), но расшифровка этого образа снимает все сомнения: для Рубцова было важно выделить именно народнопоэтическое значение символа — непрочность счастья. А завершается строфа и вовсе безрадостно — ведь река, по народным представлениям, вслед за разлукой приносит смерть. Горе, печаль и ту же смерть сулит и половодье (у Рубцова — весенние воды). Для лирического героя все это — не только личная трагедия, и поэтому четвертая строфа взрывается страстным обращением к России: «Россия! Как грустно!» А грустить есть о чем: лодка-любовь «на речной догнивает мели» под поникшей над обрывом ивой (ива, как известно, — лирический символ грусти и печали), и «пустынно мерцает померкшая звездная люстра» (в народной лирике звезда символизирует собой судьбу, а также счастье, красоту, духовную чистоту). Н. Рубцов включает в унылое окружение поэтических образов четвертой строфы еще одно, собственное символическое значение звезды: Русь, вселенная, вечность, — придавая трагедии особый смысл. Исторические же ее корни вскрыты в пятой строфе: «удивительный», белый (цвет чистоты) храм (в народной поэзии — символ святости, у Рубцова — и Руси) «пропал» среди «померкших» по-

духа, воля добру и злу»; душа, созданная по образу Божию, душа, которая дороже всех сокровищ мира. «Воля — свой бог», — сказано в поговорке. Поэт повторяет эти слова: «мое божество!»

В 8-й строфе Рубцов широкими мазками рисует величественную картину русской природы, используя в конце удивительную метафору: само «солнце на пашнях венчает обильные всходы Старинной короной своих восходящих лучей!» (солнце в песенной лирике — символ счастья, восход — жизни; замечательна словесная игра: всходы — восходящих!).

Предпоследняя строфа начинается так же, как и первая. Кольцевая композиция здесь — песенного склада, в котором сама минорная интонация диктует подобное построение. Лирический герой возвращается на грешную землю, где царствует «ночное дыханье» по к а е щ е спящей родины («И т а й н ы е сны (выделено мной — В. Б.) неподвижных больших деревень»). Таинственный всадник, промелькнувший «легкой тенью», как уже говорилось, — сквозной символ рубцовской поэзии, выходящий далеко за ее пределы. Он скрывается в «тумане полей», а ведь поле — не что иное, как «вск человеческий». Туман же в русской народной лирической песне означает печаль, слепоту, смерть. Но в стихотворении нет безнадежности, безысходна только личная судьба лирического героя (отрицательная анафорная формула: «Никто... никто...»). В заключительной 10-й строфе важен в связи с этим образ израненного бывшего десантника; образ, ставший символом и вызвавший у критиков сначала непонимание, а затем разноречивые толкования. По нашему мнению, только страдающий старик мог слышать «глухое скаканье» «неведомого отрока», с о с т р а д а н и е объединило их, и это сдвинение разных поколений чрезвычайно важно в данном поэтическом контексте.

Стихотворение поражает своей символической насыщенностью: 36 символов (без учета повторяющихся)! Основные образы-символы (27) традиционны для русского фольклора. Из них двадцать четыре соответствуют образной символике русских лирических песен.

Сравнение с ранней редакцией этого стихотворения, находящейся в архиве поэта, дает возможность увидеть, как настойчиво символизировал Рубцов художественные образы. Так, в поздней редакции появились такие образы-символы, как «следы» миновавших времен (вместо «не жалея минувших времен»); «обрыв» (вместо «потока»); «луга» (вместо «ромашковых трав») и др. Количество перешло в качество: предельная нагруженность текста символикой привела к сложным ассоциативным связям между символической ситуацией, обстановкой и символической картиной стихотворения.

Обращает на себя внимание отсутствие в рубцовском тексте не только жанрового, но и лексического единства. «Возвышенная» лексика: «божество, отчина, храм, ангел, отрок, жница, виденье; таинственный, неведомый, миновавших, венчает, безвестны» — соседствует с

нейтральной, но «сниженной» на общем фоне: «председатель, гармошки, костюме, бревна, люстра, десантник; выпить, капризный, гуляя, растоптанной» и даже с газетными штампами: «доблесть в труде», «знамя в руках проносил», «на пашнях... обильные всходы». Но то, что недопустимо для оды, нежелательно для элегии и баллады, вполне приемлемо для песни. Песенное начало в стихотворении преобладает. Если в балладе присутствует ярко выраженный сюжет и повествование ведется от 3-го лица, то у Рубцова все пронизано единым лирическим чувством. Элегические мотивы непонимания, одиночества, смерти являются устойчивыми и в лирической песне, но в рубцовском стихотворении нет главного условия элегической печали — безнадежности. Позиция лирического героя не индивидуалистична, он не уходит от действительности, не отделяет себя от народной судьбы. В элегии важен пейзаж, несущий в себе поток мыслей и чувств. У Рубцова же пейзажа как такового нет вообще. Видны в стихотворении и другие песенные признаки: композиционная цельность, простота текста, отсутствие сложных приемов. В стихе нет переноса, ему присуща интонационная законченность. Четкий, строгий ритм 5-стопного амфибрахия с цезурой после 2-й стопы, классическое чередование рифм по схеме АБАБ подчеркивает мерное, торжественное интонационное звучание. Стихотворение Рубцова напевно, мелодично, украшено многочисленными повторами, гармоническими ассонансами и аллитерациями. И. Ефремова, убежденная, что ведущим жанром рубцовской поэзии является элегия, замечает: «Как правило, подлинные элегии с широким философским обобщением нельзя петь и нельзя переложить на музыку...» Однако все элегии поэта стали песнями, а стихотворение «Я буду скакать...» имеет несколько музыкальных интерпретаций.

Итак, все вышеперечисленное, и в особенности анализ образно-символической структуры, позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о преобладании в стихотворении Н. Рубцова песенно-элегической жанровой составляющей.

«СКОЛЬКО В НЕБЕ СВЯТОЙ КРАСОТЫ!..»

В архиве Рубцова

Мал архив Рубцова, да дорог... Дорог и в переносном, и в прямом смысле — у работников Государственного архива Вологодской области нет денег на фильмокопирование его личного фонда. И потому рассыпаются мятые, зачастую обгорелые листы бессмертных рубцовских творений, рвутся в руках даже самых осторожных исследователей пожелтевшие странички дешевеньких блокнотов тридцатилетней давности, истлевают от времени обрывки ватмана под заголовком «график соцсоревнования», на оборотной стороне которого торопливо набрасывал бесценные строки страдавший от хронического безденежья поэт. Одно успокаивает: почерк у Рубцова ровный, разборчивый, «поставленный» учителями еще той, старой школы.

Великим тружеником был Николай Рубцов: у большинства его стихотворений — множество вариантов, самые ранние из которых — конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Работал он над ними в течение многих лет и поэтому редко датировал тексты, совершенно справедливо полагая, что поэт — сын вечности, однако «достоянием доцента» все-таки стал, и ученый народ, конечно же, не упускает случая лишний раз переругаться из-за какой-нибудь спорной даты.

У Рубцова, как у любого творца, были свои профессиональные тайны, свой стиль работы, и черновики красноречиво подтверждают это. Обычно он писал так называемой «лесенкой», и лишь потом строфы приобретали классическую форму. Постепенно, тщательно шлифовал Рубцов свои стихотворения, уничтожая надрывность и слащавую сентиментальность юношеских лет, выбрасывая наивные строки, ненужную иронию, преодолевая тютчевское, лермонтовское или есенинское влияние.

Большие усилия прилагал Рубцов, выбирая более точное, емкое, единственно верное в данном контексте слово. Кто не знает его знаме-

нитос «В минуты музыки»?.. В раннем варианте последняя строфа начиналась так:

*Как будто вечен час прощальный,
Как будто годы ни при чем...*

Рубцовым были исписаны горы бумаги, прежде чем она приобрела нынешний вид:

*Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.*

Любимый эпитет у поэта — «печальный», и это не удивительно: в его жизни было слишком много печального, трагического. Оттого в стихотворении «Встреча» он и убрал эпитет «тревожный» к слову «сирота», он хорошо знал, что это такое:

*— Как сильно изменился ты! —
Воскликнул я. И вдруг опешил.
И стал печальней сироты...
Но я, смеясь, его утешил:
— Меня прежние черты,
Меня возраст, гнев и милость,
Не только я, не только ты,
А вся Россия изменилась!..*

Источник многих стихотворений Рубцова — в его личной трагедии сиротства: в раннем возрасте, в годы войны, он похоронил мать, затем потерял отца и долгое время считал его погибшим и только потом узнал, что у отца — новая семья... Так и не пережил поэт следующего удара судьбы: первая любовь осталась неразделенной и, как показало время, единственной... Если не считать любви к России.

Невозможно без волнения читать строки чернового варианта стихотворения «В осеннем лесу»:

*Я так люблю осенний лес,
Под ним — сияние небес.
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист,
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться, чтобы мать
Я смог по-прежнему обнять,*

*Чтоб смог я с радостью большою
Сказать: — Я был в лесу листом!
Сказать: — Я был в лесу дождем,
Поверь же мне:
Я чист душою...*

Рубцов убрал слишком личное, сокровенное, нетипичное, и вот что получилось в варианте окончательном:

*...Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом.
Чтобы однажды в доме том
Перед дорогою большою
Сказать: — Я был в лесу листом, —
Сказать: — Я был в лесу дождем!
Поверьте мне, я чист душою...*

Поэт всегда помнил о своей матери, страшное впечатление его раннего детства невозможно было забыть, и он беседовал с ней в своих стихах, как с живой:

*В горнице моей светло.
Это от большой звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды..
— Матушка, который час?
Что же ты уходишь прочь?
Помнишь ли, в который раз
Светит нам земная ночь?..*

(«В горнице», ранняя редакция)

Рубцов безжалостно выбрасывал эти и другие субъективные строфы, вот отрывок из варианта стихотворения «Ветер с Невы», посвященного Тае, той самой Тае, которая так и не дождалась воснного моряка Коли Рубцова:

*Я помню умчавший тебя
вагон
И желтые стены
со всех сторон.
Я помню свою
сумасшедшую ночь
И волны, летящие мимо и прочь...*

Достаточно сказать, что рубцовская «Повесть о первой любви» насчитывает шесть редакций...

Иногда приходится сожалеть о выброшенных поэтом совсем неплохих строфах. Вот, например, строфа из первоначального варианта стихотворения «Высокий дуб, глубокая вода...» под названием «Высокие березы, глубокая вода...».

*Да как не говорить,
не думать про нее,
Когда еще в младенческие годы
Навек вошло в дыхание мое
Дыханье этой северной природы!*

Иногда Рубцов слишком сильно «рубил» (извините за каламбур) важные части своих стихов, и порой из-за этого терялся их первоначальный смысл. Стихотворение «Памяти Анциферова», например, начинается как-то сразу, без предварительного вступления, и читатель чувствует какое-то смутное неудобство. А ведь все было бы иначе, если бы поэт опубликовал первую строфу. Что ему помешало или кто помешал — неизвестно:

*Его поглотила земля,
Как смертного, грустно и просто.
Свела его, отдых суля,
в немую обитель погоста.*

В текстах Рубцова никак не удается устранить и некоторые разночтения, поэтому возникают обычные в таких случаях, но неприятные недоразумения. Так, в стихотворении «Зимняя ночь» неизвестен «настоящий» эпитет к слову «тайна» в строчке «Есть какая-то вечная тайна...». В автографе поэта стоит: «жгучая» тайна, в сборнике стихотворений Н. Рубцова 1985 года (составитель В. Оботуров) — «вечная» тайна, в последнем издании 1994 года «Русский огонек», том 1 (составитель В. Коротаев) — «жуткая тайна»...

Такая же проблема и с эпитетом в знаменитом стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...». Спорная строчка в черновике звучит так: «Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...», в печатных же копиях, сохранившихся в архиве, стоит: «возвышенной силы», такое же разночтение и в посмертных сборниках поэта. Кстати, первый вариант стихотворения «Я буду скакать...» начисто опровергает репутацию Рубцова как певца далекого, ушедшего времени, здесь везде, зримо и незримо, присутствует современность. Вот только три черновых строки (выделено мной — В.Б.):

*Что все понимая, без грусти
п о й д е м до могилы...
Неведомый сын
в ы м и р а ю щ и х вольных племен...
Я буду скакать,
н е ж а л е я минувших времен...*

Тема отдельного разговора — религиозный подтекст его лирики. Ю. Кузнецов, например, отрицает подобное у Рубцова, однако, если внимательнее прочесть хотя бы «Избранное» поэта, то мы обнаружим:

*Когда душе моей сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнувших небес...*

*До конца,
До тихого креста,
Пусть душа
Останется чиста!*

*Взгляд блуждает по иконам...
Неужели бога нет?*

*Боюсь, что над нами
не будет возвышенной силы...*

*О чем писать?
На то не наша воля!*

*И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое... и т.д.*

Черновики же говорят сами за себя:

*Вот летят, вот летят
возвещая нам срок увяданья
И терпения срок,
как сказанье библейских страниц...*

(«Журавли», ранняя редакция)

Сколько в небе святой красоты!

(«Венера», первоначальный вариант)

*И вдруг явился образ предка
С холмов, забывших свой предел,
Где он с торжественностью редкой
В колокола, крестясь, гремел!*

*(«Уединившись за оконцем»,
одна из редакций)*

Интересно, что на полях машинописного текста стихотворения «До конца» неизвестный редактор поэта написал как отрезал: «Много крестов. Здесь можно обойтись без них». В ответ Рубцов не изменил ни строчки...

В личном фонде Николая Рубцова сохранились также рецензии и очерки. В большинстве своем они давно опубликованы, и исследователи почтили их своим вниманием, однако никто еще не отметил само отношение поэта к этой побочной и неинтересной, на первый взгляд, работе. Рубцов никого, даже самых отъявленных графоманов, не лишал надежды, относился к подобным трудам подчеркнуто уважительно, с особым тактом, исправлял ошибки начинающих стихотворцев, писал подробные рецензии, не жалея для этого драгоценного времени. Он щадил чувства юных. Так, в рецензии-обзоре стихотворений молодых поэтов он не называет фамилии авторов слабых творений, скрывая их следующим образом: Надежда М., Галина П., Валерий Б. и т.д. В то же время удачливых лириков «раскрывает» без всяких сомнений: Панов В., Кругликов А. ... Хотя нас интересуют в этой рецензии прежде всего эстетические взгляды Николая Михайловича. Вот некоторые его отдельные замечания: «Для лирики необходимо глубокое поэтическое восприятие окружающих явлений...»; «Законы поэтического творчества ...есть и они одинаковы что для А. С. Пушкина, что, скажем, для Сергея В...»; «Главное — умение создать поэтический образ. Это для начала. Потом последует нечто более сложное...». А «сложным» этим для Рубцова была прежде всего сама жизнь, самому ему приходилось не один год пробиваться сквозь кордоны безграмотных рецензентов, зачастую вариться в собственном соку, не получая поддержки, отчаиваться и вновь окрыляться надеждой... Впрочем, в поэзии Рубцов не был одинок. В литературных кругах авторитет его был истинным и значительным, он не искал себе покровителей и друзей. Они приходили сами... В записной книжке Н. Рубцова есть адреса и телефоны не только А. Яшина, А. Передреева, В. Кожина или Ст. Куняева, в ней встречаются имена и Е. Евтушенко, Б. Слуцкого, И. Бродского. Телефон будущего Нобелевского лауреата на одном из самых видных мест, а среди рубцовских бумаг — стихотворение Бродского «Слава», посвященное Евгению Рейну.

Не бросали Рубцова и его читатели. В архиве хранятся несколько писем неустановленных авторов к Николаю Михайловичу. В одном из них есть и такое признание: «Спасибо Вам, мы только сейчас почувствовали себя истинно русскими людьми...».

«ОН УВИДАЛ МЕНЯ И ЗАМЕР...»

Стихотворения Николая Рубцова для детей

Стихотворений, написанных для детей, у Рубцова немного — всего двенадцать. Они и сами невелики, и адресованы самым маленьким. Больше половины из них — стихи о животных: «Медведь», «Ласточка», «Воробей», «Про зайца», «Ворона», «Коза», «Жеребенок». Рубцов понимал, что такие стихотворения особенно близки детскому сознанию, хотя он мог и не знать, что не только в детской литературе, но и в русском детском внеигровом фольклоре животные занимают важное место. Малыши сочиняют стихотворения, песенки не для игры, а просто из потребности в прекрасном. Таковы песни «Заяшка», «Воробышек», «Коза» и др. Дети воспринимают мир всерьез, «взаправду», а потому одушевление животных для них — явление само собой разумеющееся. Они и обращаются к ним, как к людям: «Заяц белый, куда бегал?», «Коза, коза, где была?»

Одушевлены животные и у Рубцова, хотя человеческим голосом они не говорят:

*Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой, —
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!*

*Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.*

*И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине*

*Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.*

Встречи странствующего лирического героя Рубцова с животными далеко не случайны. Он одинаково нежен и добр и к ним, и к человеку, он любит и хранит «сей образ прекрасного мира», в котором жерсбенок «смешной и добрый», ласточка «родная», заяц «бедный»; он переживает горе медведя, воробья, вороны как свое собственное, и в его словах слышится неподдельное удивление и восхищение природной гармонией, в которой нет зла в человеческом его понимании:

*Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему..*

Один из исследователей творчества поэта, В. Белков, совершенно справедливо считая, что у Рубцова человек и «братья наши меньшие» равноправны, пишет: «Животные у Николая Рубцова имеют — и это самое важное — свой самостоятельный голос, не ущемляемый поэтом. Не часто встретишь такое в литературе, в том числе современной». Именно поэтому В. Белков полагает, что Рубцову удалось сказать «новое слово» в поэтическом осмыслении живой природы. Но, во-первых, Н. Рубцов был не одинок: по мнению М. Эпштейна, «новизна поэтического анимализма 60-х — 70-х годов — это прежде всего снятие таких оппозиций прежнего мышления, как превосходство человека над животными...». А во-вторых, еще в русском фольклоре, в сказках и в лирике природа (в том числе животные) и человек никогда не противопоставлялись друг другу; более того, в поэтических представлениях народа души человека и животных были однородными. Животные в фольклоре даже наделялись определенными чертами человеческого характера. Рубцов знал об этой особенности народного творчества: в его стихотворениях медведь предстает зверем могучим, но добрым, заяц — трусливым и беззащитным.

Ласточка в народной лирике является символом материнской любви и непрочности счастья — в стихотворении Рубцова тот же смысл:

*Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.*

*Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.*

*Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.*

*Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?*

«Такое стихотворение, — отмечает критик И. Ростовцева, — несмотря на кажущуюся простоту, написать необычайно трудно. В особенности специально, даже числясь детским поэтом. Ласточка, потерявшая птенца, вызывает такое же человечнейшее чувство сострадания, как и мать, потерявшая ребенка. Последние строки — это укоризна, а не назидание. Ни одной фальшивой ноты. Стихотворение, казалось бы, созданное без всяких художественных средств, — «высокохудожественное» (потому что высоконравственное)».

Николаем Рубцовым написаны также пять стихотворений, главные герои которых — сами дети: «Мальчик Вова», «Мальчик Лева», «Узнала», «После посещения зоопарка», «Маленькие Лили». Каждое такое стихотворение — короткий эпизод из жизни ребенка, часто — настоящая маленькая драма:

*Горько плакал мальчик Лева
Потому, что нету клева.
— Что с тобой? — спросили дома,
Напугавшись пуще грома.
Он ответил без улыбки:
— Не клюют сегодня рыбки...*

В этих рубцовских стихотворениях отсутствуют экспозиции, детальные описания и сравнения, поэт одним-двумя предложениями рассказывает о событии и передает состояние своего героя. Здесь также проявилось понимание Рубцовым детской психологии, ведь для малышей характерно отсутствие потребности в «начале» и «конце», они сразу переходят к сути, к поразившему их образу, «схватывают» новое, необычное, самое яркое и запоминающееся. Типична для речи ребенка и вопросительная интонация, которую поэт искусно вводит в свои стихотворения:

— Что тебе, милый,
Уснуть не дает?
Мама, а как
Крокодил поет?

В детском игровом фольклоре часто используются повторения, характерна для маленьких детей и своеобразная звуковая игра парных слов, в которой важное место занимают аллитерация и ритм:

Тень, тень, потетень!
...А дидили, дидили,
А где деду видели?

В стихотворении «Маленькие Лили» Рубцов в полной мере использует эти приемы:

*Две маленькие
Лили —
лилипуты
увидели на иве желтый прутик.
Его спросили Лили:
— Почему ты
не зеленеешь,
прутик-лилипутик?
Пошли
за лейкой
маленькие Лили,
на шалости не тратя ни минуты.
И так усердно,
как дожди не лили,
На прутик лили
Лили-лилипуты.*

Известно, что еще С. Маршак и К. Чуковский стали широко использовать в своем творчестве жанровые формы детского фольклора (потешки, считалки, перевертыши), из фольклора были взяты и антропоморфизм, и звукоподражание, однако интересовали их почти исключительно бытовые стихотворения или сказочные циклы. Собственный практический опыт стихотворцев был для них более существенным (знаменитые десять «заповедей» К. Чуковского для сочинителей детских стихов, отказ от авторского самовыражения у С. Маршака и т.п.). По этому пути пошли в дальнейшем Д. Хармс, А. Введенский, С. Михалков, Б. Заходер и др.

Вряд ли Рубцов детально был знаком с такой художественной системой — специально для детей он не писал, и подобное словотворчество

стало для него таким же предметом отдохновения, как и для Пушкина, Некрасова или Есенина. Его стихотворения, вошедшие в детское чтение дошкольников и младших школьников еще в 70-е годы, создавались в русле образно-символической структуры, ориентированной прежде всего на русский фольклор и на русскую классику — в этом и заключается их этическая и эстетическая ценность.

«Я УМРУ В КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ...»

Судьба Рубцова

Поэты редко, очень редко умирают в тихой, обыденной постели, в окружении лекарств и близких. Обычно — спиваются. Иногда — сходят с ума. Чаще — накладывают на себя руки. Но еще чаще их просто убивают. За что?.. За что убили Пушкина и Лермонтова, расстреляли Гумилева, Клюева, Ганина и всех новокрестьянских поэтов, Васильева и Мандельштама? За какие грехи сгубили Есенина, сбросили с электрички Кедрина, задушили Рубцова, застрелили Талькова и Исполюнова, зарубили Лыцова?..

Поэты — не рядовые бойцы вечной духовной брани. Такова и их смерть...

Дом, в котором погиб Рубцов, — ничем не примечателен. Он и стоит боком к улице Яшина, как бы в стороне от нее. Построен дом в стиле «архитектуры нищеты», до боли знакомой по штампованным коробкам казарменного вида, стоящим на городских окраинах не только Вологды, но и Москвы, и Рязани, и Владивостока... Возле этой пятиэтажки с номером 3 — пустырь, украшенный трансформаторной будкой, напротив — дом-близнец такого же грязно-желтого цвета и — больше ничего, кругом одна только угрюмая пустота. На самом углу — третий подъезд, дверь, тесные лестничные переходы с узкими окнами на площадках и — вот он, пятый этаж, первая квартира слева, последнее пристанище Рубцова. Тяжело стучит сердце... За стеной — комната, в которой душа поэта покинула наш жестокий мир.

То, что произошло тогда в ней в крещенскую ночь, так, вероятно, и останется тайной, до конца не разгаданной. И подробности убийства здесь — не самое главное. Куда тяжелее ответить на самый важный, «детский» вопрос: «Почему?»

Судьба, рок, неизбежность... Эти слова часто встречаются в книгах и статьях о Рубцове. Последние издания — тоже не исключение. Прав-

да, книги Вячеслава Белкова «Повесть о Вологде» и «Жизнь Рубцова» выгодно отличаются от повестей Н. Коняева «Путник на краю поля» и В. Коротаева «Козырная дама» стремлением следовать только документальным фактам. Автор в данном случае продолжает традицию исследований первого биографа Н. Рубцова, Василия Оботурова.

В. Белков ищет разгадку судьбы поэта в тумане его раннего детства, с болью рассказывает о сиротской доле семьи Рубцовых, размышляет о его книгах, о значении его творчества для русской поэзии, анализирует рубцовские стихотворения, имеющие биографическую основу. Не чужда Белкову и страсть первооткрывателя — он роется в архивах, ищет (и находит) неизвестные тексты поэта, записывает воспоминания его знакомых, родственников, друзей. И хотя В. Белкова не покидает чувство неудовлетворенности, эта самоотверженная работа приносит свои плоды — у автора появляется то ощущение «погруженности» в личность и эпоху, которое не приобретешь за один присест: «Да, всеми силами души любил Николай Рубцов свою тихую родину, нашу общую Родину. Но как человек и поэт он многое не мог принять на «земле не для всех родной». С его социальным опытом, мировоззрением и пророческим даром ему было жить порой невыносимо тяжело, почти невозможно...»

В. Белкова интересует все: мельчайшие подробности биографии Рубцова, книги, которые он читал, редакторские правки стихотворений, выход его новых посмертных сборников. Скрупулезное, дотошное собирание «всего и вся», сравнимое, пожалуй, только с работой старателя, не под силу одному человеку. Разнородные материалы: статьи, документы, размышления — связать в единое целое невероятно трудно. Книги, недостатки которых видны автору как никому другому, не претендуют на научную солидность. Потому и создан им и действует в Вологде «Рубцовский центр», душой которого остается Вячеслав Белков. Все его усилия направлены на то, чтобы наконец собралась и заработала комиссия по литературному наследию поэта, чтобы решены были текстологические, библиографические проблемы, вопросы датировки рубцовских стихотворений, чтобы появилась выверенная, основанная не на эмоциях, а на документах, действительно научная биография Николая Рубцова. А пока приходится довольствоваться беллетризованными воспоминаниями и исследованиями, в которых предпринимаются попытки так называемой художественной реконструкции прошлого.

Такова «Козырная дама» В. Коротаева — «почти документальная повесть» с эпилогом о том, как убили поэта Н. М. Рубцова. В первой ее части автор знакомит нас с главными героями: самим Николаем Рубцовым, его будущей убийцей, выведенной под именем Надежды Долининой; с маститым поэтом Решетовым, обликом, поведением и подробностями биографии напоминающим то Александра Яшина, то Василия Белова, то Виктора Астафьева; с другом Рубцова, тоже поэ-

том, Мишей Колябиным, по густой черной бороде которого читатель сразу «вычисляет» молодого Виктора Коротаева.

На страницах повести разворачиваются события, в центре которых — Рубцов и поэтесса Надя, «роковая» женщина, «ведьма», решившая «пригреться» у лирического костра Рубцова, чтобы разгореться самой. Любовь и ненависть ходят здесь рядом, ссоры следуют одна за другой, и развязка наступает так быстро, что у многих героев повести появляется убеждение: она была неотвратима. Сам ли Рубцов «шел к смерти», как замечает Решетов, или «к нему шли со смертью» (убеждение Колябина) — одна из тех загадок, которую приходится разгадывать читателю, порой сбиваемого с толку: где же тут «почти повесть», а где «почти документ»? Сцены суда, выписки из уголовного дела, из ходатайства подсудимой — самые сильные и незабываемые именно потому, что опираются на сухой, беспристрастный язык документов. Трудно читать эти страницы, мутрно становится на душе, но — надо... Ведь еще совсем недавно в публикациях о Рубцове можно было прочесть и такую невинно-лукавую фразу: «Погиб в результате несчастного случая...».

Долинина, оставившая свои записки Колябину после возвращения из тюрьмы, сама открывает свое истинное лицо, свои мысли и чувства... И как ни пытается она оправдать себя и очернить Рубцова, «это чудовище», по ее словам, — читателю все становится ясно: она его не любила. А вот Рубцов... Человек раскрывается до конца только в двух случаях: в любви и смерти. У Рубцова же они слились воедино.

Николай Коняев в своей повести «Путник на краю поля» всем ее строением старается убедить читателя в том, что итог жизни Н. Рубцова — закономерен. Он упоминет о многочисленных неудачах поэта в личной жизни, о его тяжелых взаимоотношениях с отцом; встречается с родственниками и знакомыми Рубцова, пытаясь выведать у них те подробности, которые дополнили бы нарисованный автором портрет. С этой целью Н. Коняев использует материалы, уже неоднократно публиковавшиеся В. Кожинным, В. Оботуровым и В. Коротаевым. Ничего нового нам он, по сути, рассказать не может и поэтому дает волю своей фантазии, заполняя пространство повести авторскими комментариями. Даже анализ рубцовских стихотворений, щедро им цитируемых, строится по тому же принципу. Более или менее удачными можно признать только те страницы, на которых Коняев рассказывает о конфликте Рубцова с проректором Литинститута Алексеем Мигуновым (они задолго до публикации в «Севере» появились в специальном выпуске «В мире Рубцова» под номером 2), а также ту часть, в которой автор пытается рассуждать о роли божественного начала в жизни Руси и в жизни Рубцова.

Религия, Бог — особая тема в творчестве русского поэта. Упоминания о Боге нередки в его стихах; читал он и Библию, хранил в своей квартире иконы, в том числе своего покровителя: святого Николая Чу-

дотворца. В творчестве Рубцова отразилось то переходное сознание, которое свойственно сейчас большинству русских: тяжелое расставание с атеизмом и медленный путь через искушение язычества к Православию. Н. Рубцов и в этом опередил свое время: «Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы...».

У Коняева эта возвышенная сила представлена, к сожалению, в виде банальных «указаний свыше». С особой тщательностью и внутренней дрожью цитирует автор страницы дневника поэтессы-убийцы, посвященные ее «видениям» (свечение креста на стене библиотеки, светлое пятно, явившееся в небесах). Кстати, не так давно в телевизионной передаче «Пятое колесо» на экране неожиданно появилась убийца Рубцова и стала рассказывать о своем... видении, из которого она точно узнала, как погиб ... Сергей Есенин. Более того, эта женщина, если судить по ее воспоминаниям, — невольная свидетельница и чуть ли не виновница смерти Василия Шукшина...

Николай Коняев (и это знаменательно) сходится в оценке судьбы Рубцова с убийцей поэта. Как иначе объяснить, например, следующую сентенцию автора: «И кто знает, быть может, эта женщина, писавшая, по мнению многих, неплохие стихи, в ту ночь на 19 января 1971 года, сама того не зная и не желая, спасала кого-то из рубцовских друзей от страшной участи...». И уж совсем фатальны следующие слова Коняева: «Об этом нельзя думать (?), и говорить тоже нельзя. В нашей жизни все случается так, как случается. И это и есть высшая справедливость».

От таких слов становится не по себе. Может, сам Рубцов и виноват в своей гибели?..

Он был убит на рассвете, задушен женскими руками, еще недавно его ласкавшими. Имя убийцы почти 20 лет скрывали от нас, пока Э. Дубровина не назвала его: Людмила Дербина (Грановская).

Николай Рубцов не один год был знаком с этой рыжеволосой крупной женщиной с большими голубыми глазами, всерьез собирался оформить брак, но терзался сомнениями, был мрачен, даже озлоблен. Он, «кажется, уже решил», но снова и снова сомневался: «Припадает тут одна ко мне, тешится пригреть мою продрогшую душу...». Терзания были невыносимыми еще и от того, что у тридцатипятилетнего Н. Рубцова в далеком селе Никольском остались бывшая жена, Генриетта Михайловна, и дочь Лена, родные для него люди, хотя семьи уже давно не было. Тяжелые предчувствия одолевали поэта:

*Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...*

Друзья предупреждали: не пара она тебе, слишком «вспыльчива, неуступчива, яра». Владимир Степанов по поводу женитьбы сказал неожиданно прямо: «Я тебя не поздравляю». Одна знакомая даже прислала поэту новогоднюю открытку с недвусмысленным текстом: «Береги

свою голову...». Но тщетно: все предупреждения Рубцов с раздражением отвергал, только становился все мрачнее. «Может быть, в этом раскаленном неприятии уже был заложен страх перед неотвратимо надвигающейся катастрофой», — пишет Виктор Коротаев. Почему же Рубцов упрямо шел навстречу судьбе? Кем была для него эта женщина?

Л. Дербина родилась в Ленинграде в 1938 году, но жила в основном в провинции. В 1969 году в Воронеже, где она короткое время работала библиотекарем, вышла книжка ее стихов «Сиверко».

И все же почему именно она? Что их сблизило?

Их жизненные пути были во многом схожими. Голодное военное детство: Рубцов был детдомовцем; Дербина росла в блокадные дни Ленинграда — города, с которым у поэта были связаны дорогие сердцу воспоминания молодости... Николай Рубцов был сиротой при живом отце, родительская семья Дербиной тоже была разрушена войной. Они оба пережили тяжелые личные потрясения в юности; оба трудно, в одиночку шли разными путями, чтобы встретиться друг с другом в печальной Вологде. Давно известно, что судьбу человека легче всего предугадать по его стихам. Более того, сам поэт предчувствует порой и свои будущие взлеты и падения, и даже собственную гибель. Николай Рубцов знал эту способность в себе. «Все поэты — пророки», — говорил он. И в минуты откровенности признавался друзьям, что не раз ощущал дыхание приближающегося небытия. Близо, слишком близо подходил Рубцов в своей поэзии к самому краю:

*Все движется к темному устью.
Когда я очнусь на краю...*

Впервые фразу о своей смерти он легкомысленно, полушутя-полусерьезно обронил еще в 1954 году в Ташкенте, когда ему было всего 18 лет:

Да, умру я! И что ж такого...

Десятилетие спустя у Н. Рубцова вырвалось страшное предсказание:

Когда-нибудь ужасной будет ночь.

Думы о собственном конце преследовали его постоянно:

*Замерзают мои георгины,
И последние ночи близки. (1967)*

*Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя. (1968)*

В стихотворении «Зимняя ночь» (1969) то ли «черный человек», то ли сама смерть зовет поэта:

*Кто-то стонет на темном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне...*

Здесь все серьезно. Все дышит предвестьем небытия — не только упоминание о кладбище, не только классический символ смерти — ночь, но и указание на ее непознанность и невозможность познания:

*Есть какая-то вечная тайна
В этом жалобном плаче ночном.*

В «Элегии» (1970) чувствуется уже обреченность:

*Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.*

И, наконец, указана дата:

Я умру в крещенские морозы...

Навязчивая мысль о гибельной ночи звучит и в стихах Дербиной. Только, в отличие от Рубцова, она говорит не о своей смерти. Вот только три фрагмента ее стихотворений (из многих подобных):

*О, так тебя я ненавижу
И так безудержно люблю,
Что очень скоро (я предвижу)
Забавный номер отколю.*

*Пропадше, отчаянно, горько
Последней любовью уюсь.
Так пусть затянется туже
Ночи кромешной жгут!..*

*Твой взгляд ко мне доверьем переполнен,
О, не гляди так, милый, на меня!
Я потушу сама в твоих ладонях
Горячий отблеск твоего огня.*

От всего этого становится просто жутко. Тяжелое впечатление оставляют и другие стихотворения Дербиной, в которых чувство страха («Мой навязчивый страх перед жизни стремниной...») соединяется с крайней формой мнительности, глубокой и длительной. Сознание отверженности и одиночества («И почему я верую так слепо В свою отверженность и боль?») превращается в тот вид самоистязания, когда даже страдания становятся признаком своей исключительности. «Постичь я все должна», — ставит себе цель Дербина с «ликующей злостью» своей поэзии, чьи «...дремучие лапы Заграбастают села и города». Эпитеты в ее стихах поражают своей жестокостью. Тут — и «цепкие когти звезд», и время — «необузданный палач», и «неистовые корни берез...» Неестественны для женщины и «звериные» сравнения: «Опять я губы в кровь кусаю И, как медведица, рычу»; «Звериным нюхом Я вдруг почувяла Апрель»; «Я смелая, как мужчина, Который идет на льва»; «Чужой бы бабе я всю глотку переела» и т.д. Ревность и эгоцентризм переходят все пределы, когда она желает любимому гибели:

*...Пусть захлестнула бы тебя волна.
Но только б не любил ничью другую,
Но только б Я! Я! Я!, а не Она.*

«Это не стихи, это патология. Женщина не должна так писать», — сказал о ней Николай Рубцов. Он ведь все прекрасно понимал...

Виктор Астафьев говорит, что поэт «сам искал свою смерть», да и Василий Оботуров в своей книге «Искреннее слово» косвенно укоряет поэта за то, что тот не разобрался в сути этой женщины, «показавшейся ему близкой», и пытается объяснить это тем, что в ее стихотворениях «слышны подчас мотивы, близкие поэзии Рубцова», что ее стихи «к воспеванию дремучего, хищного не сводились», что «Рубцов мог читать и такие ее строки:

*...тайно и безвестно
Во мне живет печальный дух полей.*

Думается, в полуоправданиях, даже полузаметных, Николай Рубцов не нуждается. Он, конечно же, видел тогда, что было в ее стихах подражанием, а что — самостоятельным, идущим от ее натуры. Он знал, что за ее стихами скрывается та жизненная «философия», суть которой Ф. М. Достоевский передал ясно и определенно: «В будущем нет ничего, надо требовать всего от настоящего, надо наполнить мир одним насущным». Вся наша жизнь представляет собой вечное «поле битвы в сердцах людей», на котором ведутся смертельные схватки духа и плоти, свободы и рабства, искренности и коварства, чистоты и нечисти, Бога и дьявола. В своих стихотворениях эта женщина сама называла себя «ведьмой» и «сатаной»: «И дух бунтарский сатаны Во мне, как прежде, остается». Николай Рубцов, в одиночестве и сомнениях, все-таки надеялся выиграть борьбу за ее душу, очень надеялся... Позднее Дербина подтвердит это:

*Но был безумец... Мною увлеченный,
Он видел бездну, знал, что погублю,
И все ж шагнул светло и обреченно
С последним словом: «Я тебя люблю!»*

На суде она говорила, что убийство было неумышленным, случайным... Случайным ли? «Мы по одной дороге ходим все», — говорил поэт.

В. Коротаяев вспоминает, что на лице мертвого Рубцова застыла улыбка... О чем он думал в последний миг? Этого уже никто и никогда не узнает. Но в сердце стучат и стучат его строки:

*Когда-нибудь ужасной будет ночь,
И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду! Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!
Чтоб снова силы чуждые, дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,*

*Как в этот раз, друг другу
улыбнулись...*

Спустя годы Дербина скажет:

*Ведь это я твоим убита смехом,
Живу, пою и... тяжело смеюсь.*

Теперь о ней написана книга, опубликовано множество газетных и журнальных статей, снят документальный фильм и созданы телевизионные передачи, ее воспоминания появились в нескольких, в том числе центральных, изданиях, регулярно публикуются интервью... Открывается нараспашку самое сокровенное, потайное, заветное. Дербина, естественно, обвиняет Рубцова в беспробудном пьянстве, подчеркивает прежде всего отрицательные черты в его характере, — и понятно, почему... Только самооправдание ли это? Или, может быть, самоистязание? Или еще что-то?..

В какой-то мере на эти вопросы могут ответить ее стихи. В 1993 году совместно с А. Сушко Дербина выпустила небольшой сборник под названием «Встреча», а еще через год вышла книга «Крушина» — та самая «Крушина», отзыв на которую был написан Рубцовым незадолго до гибели.

Книга оставляет сильное, но противоречивое впечатление. Лирическая героиня то поднимает смиренный взгляд в небеса и молит о прощении:

*Пройдет зима. Лазурно и высоко
наполнит мир весенний благовест,
но я навек уж буду одинока,
влача судьбы своей ужасный крест.
И будет мне вдвойне горька, гонимой,
вся горечь одиночества, когда
все так же ярко и неповторимо
взойдет в ночи полей твоих звезда.*

То вдруг воспеваает «мятежного демона, вдохновителя битвы», упрямо повторяет: «Ну, а я и теперь не заплачу», и видит свое спасение не в Боге, не в покаянии и прощении, а в себе самой:

*Когда меня топтали в грязь,
а я прощенья не просила,
в меня невидимо лилась
земли таинственная сила.
Уже поверженная ниц,
как хорошо я различала
сквозь топот ног, гримасы лиц,
в своем конце свое начало!*

«Откуда эта двойственность во мне?» — вопрошает она изумленно, но продолжает вспоминать о «злой любви». Печально, но в книге оставлены почти без изменений те жестокие стихи из сборника «Сиверко», в которых правят бал темные силы.

Но еще больше огорчил критик и литературовед А. Михайлов, сказавший в предисловии к ее книге буквально следующее: «Винить в гибели поэта некую выступившую слепым орудием рока личность (другое дело — общественные силы) так же бессмысленно, как и осуждать потопившую корабли бурю...». Вспомним мудрые рубцовские слова: «Мы сваливать не вправе Вину свою на жизнь...». Именно поэтому мы не имеем права ни судить, ни оправдывать ее...

...В последний раз обратился я к этой страшной теме: убийству Рубцова... Пора остановиться. И сам не буду больше писать об этом, и другим не советую... Я убираю свои несправедные, мстительные по отношению к Дербиной слова из 3-й главы предыдущей книги и — надеюсь на лучшее, ведь у нас у всех остается надежда. Бог нам судья. Все в его воле.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Творчество Николая Рубцова уникально, оно является одним из высших достижений в русской поэзии XX века, — таково общее мнение специалистов, занимающихся изучением его лирики. Однако встречается порой и скептическое отношение к Рубцову. Говорят, например, о том, что он «несложившийся» и даже «несостоявшийся» поэт. Что ж, можно в ответ привести десятки противоположных высказываний авторитетных ученых, тем более, что доказательствами этот скептицизм не подкреплен. Но вообще это дело вкуса, а о вкусах, как известно, не спорят.

Явное неприятие рубцовой поэзии встречается еще реже. Примером такого неприятия стала статья Владимира Новикова из цикла «Три стакана терцовки», опубликованная в журнале «Столица». Большинство «аргументов», которые он предъясвляет, не выдерживают никакой критики, их даже не стоит здесь приводить. О некоторых же сказать необходимо.

— Слава Рубцова — искусственная, «организованная», — говорит Новиков. Но, во-первых, само по себе это великолепно. Пусть пропагандируют самую разнообразную поэзию и самых разных поэтов. И у такой популяризации не должно быть пределов. Так, о Владимире Высоцком уже написано более двадцати книг, а сколько еще напишут!..

Во-вторых, где сейчас те поэты, слава которых действительно была организована, например, Николай Грибачев? Кто, кроме специалистов, о нем помнит?

И в — третьих, неужели Новиков не допускает простой мысли о том, что в России (и не только в России) поэзию Рубцова л ю б я т ? Его широко издают, но купить сборник его стихотворений непросто, о нем много пишут, но ценители его лирики, число которых огромно, рады каждой новой публикации; в самых разных местах России, в столице и в провинции, работают кружки любителей его поэзии, проводятся рубцовские праздники, конференции, вечера, исполняются песни на его стихи, сочиняются посвящения, выходят специальные газеты о Рубцове... Такую славу нельзя организовать, она не подвластна человеческой воле, как и сама поэзия...

*Вот так поэзия, она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна...
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое.
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.*

— Это вообще «не поэзия» — утверждает В. Новиков. Однако объективных доказательств не приводит. Нельзя же считать таковыми тенденциозно подобранные цитаты из рубцовских стихотворений. Действительно, некоторые стихи Рубцова несовершенны, есть и откровенно слабые. И этого никто не отрицает — у кого их нет? Кроме того, нет вины Рубцова в том, что ретивые публикаторы вынесли на суд публики те стихотворения, которые сам поэт забраковал, не включил в свои сборники.

В. Новиков довольно оригинально использует в качестве «доказательства» и мнение крупнейшего нашего литературоведа М. Гаспарова. Вырвав из контекста в общем-то безобидную по отношению к Рубцову фразу, он придал ей исключительно отрицательный смысл.

Всеобщее возмущение вызвал подзаголовок статьи — ярлык, приклеенный к имени поэта, не только несправедлив и безоснователен, он оскорбителен по отношению к л ю б о м у литератору. Владимиру Новикову может не нравиться лирика Рубцова, он даже может называть ее «дохлой», но опускаться до подобного он не имеет права в силу не только научной, но и обычной этики. Несмотря на малоубедительное объяснение, произнесенное вскользь, скороговоркой, В. Новиков (и это чувствуется в самой интонации статьи) прекрасно знает, что это такое — Смердяков и смердяковщина, и понимает, для чего ему понадобилось подобное слово. Давно известно: когда научных аргументов не хватает, в ход идут эпитеты, да покрепче.

В послесловии к журнальной статье В. Новикова некто, подписавшийся инициалами Д. Б. (вероятно, Дмитрий Быков), выделил особые приметы его «терцовочного» анализа: «Объективность исключается. Доказательность и занимательность гарантируются». Не согласен только с «доказательностью». С остальным — вполне.

Самым главным доказательством подлинного народного признания Н. Рубцова стал тот факт, что его поэтические строки вошли в русский язык, стали крылатыми. Они живут в народной памяти, так как в них закреплён определенный духовный опыт народа:

*За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*

Хлеб, родимый, сам себя несет...

*В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.*

*До конца,
До тихого креста,
Пусть душа
Останется чиста!*

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Россия была для Николая Рубцова любовью и надеждой. Особенно ценным в этом отношении является признание Дербиной, редко бывающей беспристрастной в своих оценках: «Никогда в жизни я не встретила человека, так болезненно и страстно заинтересованного судьбой России и русского народа. Он не пекся ни о чем личном, был бескорыстен и безусловно честен».

В свое время я отмечал, что слово «душа» в рубцовских стихах употребляется 88 раз и в этом отношении не имеет себе равных. Я был не совсем прав. О России, правда, в различных вариациях (Русь, отчина, край, земля и т.п.) он говорит 110 раз!

О. Разводова, автор одной из лучших статей о поэте, пишет: «В лице Н. Рубцова мы имеем большого национального поэта, не патриархального лирика, а гражданина, который судьбой своей поставил вопрос о содержании нашей жизни, о ее наполненности. Мы должны помнить об этом из уважения к памяти человека, который оплатил все свои заблуждения и победы самой высокой ценой — ценой жизни».

Нынешний наш духовный кризис — следствие длительного омертвления национального организма. В той болезни русская душа не сгинула и не изменила себе: она стонала, хрипела и буйствовала в песнях Владимира Высоцкого и тихо плакала, любила и верила в стихах Николая Рубцова. И теперь, очистившись в страданиях и боли, выходит из полумрака к свету истинной веры.

Поэтические книги Н. М. Рубцова

Лирика. — Архангельск, 1965.
Звезда полей. — М., 1967.
Душа хранит. — Архангельск, 1969.
Сосен шум. — М., 1970.

* * *

Зеленые цветы. — М., 1971.
Последний пароход. — М., 1973.
Избранная лирика. — Вологда, 1974.
Первый снег (Для младшего школьного возраста). — Вологда, 1975.
Подорожники. — М., 1976.
Стихотворения. — М., 1977.
Избранная лирика. — Архангельск, 1977.
Первый снег (Для младшего школьного возраста). — Барнаул, 1977.
Всей моей любовью и тоской. — Архангельск, 1978.
Стихотворения (Для старшего возраста). — М., 1978.
Зеленые цветы (Для среднего и старшего возраста). — Барнаул, 1978.
Избранное. — М., 1982.
Стихотворения. — М., 1983.
Про зайца (Для маленьких). — М., 1983.
Лирика. — М., 1984.
Посвящение другу. — Л., 1984.
Подорожники. — М., 1985.
Звезда полей. — Рига, 1985.
Стихотворения. — Архангельск, 1985.
Стихи. — М., 1986.
Звезда полей (Для младшего школьного возраста). — М., 1986.
Стихи. — М., 1988.
Про зайца (Для дошкольного возраста). — М., 1989.
Про зайца (Для младшего школьного возраста). — М., 1990.
Видения на холме. — М., 1990.
Россия, Русь! Храни себя, храни! — Вологда, 1991.
Мурманский стан. — Мурманск, 1991.
Добрый Филя (Для детей). — Вологда, 1991.
Россия, Русь! Храни себя... — М., 1992.
Видения на холме. — Новомосковск, 1992.
Про зайца (Для маленьких). — М., 1993.
Русский огонек. — Вологда, 1994.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. А к а т к и н В. В поисках главного слова // Вопросы литературы. — 1974. — № 3.
2. А н и с и м о в а А. (Сост.). Песни, сказки. — Пенза, 1962.
3. Б а р а к о в В. Лирика Николая Рубцова. — Вологда, 1993.
4. Б а х т и н М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1986.
5. Б е л к о в В. Неодинокая звезда. — М., 1989.
6. Б е л к о в В. Повесть о Вологде. — Вологда, 1991.
7. Б е л к о в В. Жизнь Рубцова. — Вологда, 1993.
8. Б е л к о в В. Половинка луны. — Вологда, 1994.
9. Б е л к о в В. Жизнь после смерти // Красный Север. — 1995. — № 5 — 12 января.
10. Библейская энциклопедия. — Репринтное издание. — М., 1990.
11. Б у л а в и н ц е в Н. Душа останется чиста // Советская Россия — 1991. — 30 января.
12. В а б е р З. Рубцов и «тихая лирика» // Писатель и время: Межв. сб. научн. тр., МПГУ им. В. И. Ленина. — М., 1991.
13. Венок Рубцову. — Дзержинск, 1994.
14. В и н о н е н Р. Чувство пути. — М., 1981.
15. В мире Рубцова... Выпуски 1 — 10.
16. Воспоминания о Николае Рубцове. — Вологда, 1994.
17. Г а с п а р о в М. Прошлое для будущего // Наше наследие. — 1989. — № 5.
18. Г о г о л ь Н. В. Избранные статьи. — М., 1980.
19. Государственный архив Вологодской области. — Фонд 51. Материалы по творчеству Н. М. Рубцова.
20. Д а л ь В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — 4-е изд. — Т. 1.
21. Д е р б и н а Л. Сиверко. — Воронеж, 1969.
22. Д е р б и н а Л. Встреча. Колпино, 1993.
23. Д е р б и н а Л. О Рубцове // Слово. — 1993. — № 5/6, 7/8; 1994. — № 1/6.
24. Д е р б и н а Л. Крушина. — Вельск, 1994.
25. Дом поэта // Литературная Россия. — 1995. — 20 января.
26. Е р е м и н В. Одуманивают // Литературная Россия. — 1995. — 16 декабря.
27. Е ф р е м о в а И. Поэзия Н. Рубцова. Вопросы жанра и стиля: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. — М., 1988.
28. Е ф р е м о в а И. Поэзия Н. Рубцова. Вопросы жанра и стиля: Автореф. дисс. канд. филол. наук. — М., 1988.
29. И в а н о в а Е. Разговорные элементы в поэзии Н. М. Рубцова // Проблемы эволюции русской литературы XX века. Материалы межвуз. научн. конференции, МПГУ им. В. И. Ленина. — М., 1994.
30. К а р к а в ц е в В. «Она убила Рубцова глухой и дикой крещенской ночью» // Комсомольская правда. — 1994. — 1 декабря.
31. К о ж и н о в В. Николай Рубцов. — М., 1976.
32. К о ж и н о в В. Николай Рубцов // Статьи о современной литературе. — М., 1982.
33. К о н я е в Н. Путник на краю поля. — М., 1993.
34. К о р о т а е в В. Козырная дама. — Вологда, 1991.
35. К у д р я в ц е в М. Образно-речевая система поэзии Н. Рубцова: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. — Вильнюс, 1988.
36. К у р б а т о в В. Выгеснителі // Москва. — 1994. — № 11.
37. Л а н ц и к о в А. Многообразие искусства. — М., 1974.
38. Л и х а ч е в Д. Избранные работы в 3-х т. Т. 2. — Л., 1978.
39. Мистическое богословие. — Киев, 1991.
40. Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология русского стиха. — Л., 1984.
41. Н о в и к о в В. Три стакана терцовки. Смердяков русской поэзии (О Николае Рубцове) // Столица. — 1994. — № 33.
42. О б о т у р о в В. Искреннее слово. — М., 1987.

45. О ч и р о в а Т. Авторское сознание в лирике Николая Рубцова как состояние личности между двумя культурами // Вестн. Удм. ун-та, 1993. — № 4.
46. П а в л о в с к и й А. Время и Родина в поэзии Николая Рубцова // Русская литература. — 1986. — № 1.
47. П о т е б н я А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. — Харьков, 1914.
48. П у ш к и н А. С. Мысли о литературе. — М., 1988.
49. Р а з в о д о в а О. Состоявшийся диалог // Подъем. — 1986. — № 10.
50. Р о м а н о в А. Искры памяти // Север. — 1994. — № 1.
51. Р о с т о в ц е в а И. Между словом и молчанием. — М., 1989.
52. Ф р е з е р Д. Д. Золотая ветвь. — М., 1986.
53. Ш е й н П. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. — Т. 1. Вып. 1. — СПб., 1898.
54. Ш и л о в а К. Межжанровые взаимодействия в поэзии Рубцова // Поэтика жанров русской и советской литературы. Межвуз. сб. научн. тр. — Вологда, 1988.
55. Ш и п и л о в Н. «Плачут глухари...» // Литературная Россия. — 1995. — 10 марта.
56. Э п ш т е й н М. «Природа, мир, тайник вселенной...» — М., 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
«Если только буду знаменит...» Поэзия Рубцова в научном изучении.	4
«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» Элегия или песня?	8
«Сколько в небе святой красоты!..» В архиве Рубцова.	11
«Он увидал меня и замер...» Стихотворения Николая Рубцова для детей.	19
«Я умру в крещенские морозы...» Судьба Рубцова.	24
Вместо заключения.	34
Поэтические книги Н. М. Рубцова.	37
Использованные источники.	38